

Последнюю четверть XVIII — начало XIX в. можно охарактеризовать как период подъема. В основном он наблюдался в сфере крупной оптовой торговли хлебом и солью. Промышленность развивалась медленнее, но и здесь происходил рост. При этом в промышленности преобладали мелкие мануфактурные предприятия, основанные на наемном труде.

1806–1824 гг. — период резкого спада, который в первую очередь был связан с общим кризисом гильдейского купечества. Данный кризис существенно отразился и на нижегородском регионе. Наблюдалось резкое снижение объемов оптовой и розничной торговли, сокращение размеров гильдейских капиталов.

Примечания

- ¹ ЦАНО. Ф. 116. Оп. 1. Д. 95. Л. 15.
- ² Там же. Оп. 33. Д. 2966. Л. 4.
- ³ Ковалева Т. И., Филатов Н. Ф. Н. И. Лобачевский и нижегородский край на рубеже XVIII–XIX столетий. Н. Новгород, 1992. С. 23.
- ⁴ Макаров И. А. Карман России. Н. Новгород, 2006. С. 272.
- ⁵ ЦАНО. Ф. 116. Оп. 33. Д. 2767. Л. 21.
- ⁶ Там же. Оп. 34-а. Д. 121. Л. 12.
- ⁷ Ковалева Т. И., Филатов Н. Ф. Н. И. Лобачевский... С. 38.
- ⁸ Там же. С. 40.
- ⁹ Демкин А. В. Обработывающая промышленность в России в конце XVIII — начале XIX в. М., 2008. С. 140.
- ¹⁰ ЦАНО. Ф. 116. Оп. 33. Д. 2880. Л. 30.
- ¹¹ Демкин А. В. Полотняное производство в России на рубеже XVIII — XIX веков. М., 2004. С. 12.
- ¹² ЦАНО. Ф. 116. Оп. 34-а. Д. 121. Л. 3–6.
- ¹³ Демкин А. В. Обработывающая промышленность... С. 184.
- ¹⁴ Ковалева Т. И., Филатов Н. Ф. Н. И. Лобачевский... С. 28.
- ¹⁵ Разгон В. Н. Сибирское купечество в XVIII — первой половине XIX в.: Региональный аспект предпринимательства традиционного типа. Барнаул, 1999. С. 225.
- ¹⁶ Демкин А. В. Обработывающая промышленность... С. 149.
- ¹⁷ ЦАНО. Ф. 116. Оп. 34. Д. 3281. Л. 15.

И. Н. Юркин

ТУЛЬСКОЕ КУПЕЧЕСТВО В ПРОМЫШЛЕННОМ РАЗВИТИИ УРАЛА В XVIII ВЕКЕ: ДВА ПОРТРЕТА

Тульские предприниматели сыграли важную роль в ходе промышленного развития Урала, прежде всего, в развитии его горно-металлургической промышленности. Особенно значительной она была в XVIII столетии. Н. И. Павленко в монографии, посвященной истории российской металлургии этого века, вполне обоснованно выделил материал о тульских горнозаводчиках в особую главу¹ — единственную, материал которой объединял лиц, связанных местом происхождения.

Ведущее место среди них занимали выходцы из среды, как их в то время называли, *казенных кузнецов* или, как называли позже, *оружейников* — особой сословной группы, формирование которой в Туле началось в конце XVI в. Именно к ней принадлежали наиболее известные предпринимательские фамилии Тулы — Демидовы, Баташевы и Мосоловы, в конце XVII — XVIII вв. активно вкладывавшие свои капиталы в развитие металлургии.

Но существовала и другая группа тульских предпринимателей-промышленников. Вклад в развитие индустриального Урала внесли, в частности, тульские купцы. Наиболее активны были представители фамилий Ливенцовых и Лугининых, деятельность которых на этом поприще относится к периоду между III и IV ревизиями. Общим для них являлись способ первоначального накопления капитала (торговое предпринимательство) и попытка перелить его часть в промышленность. Но технологии для этого перелива они использовали разные. На их примере можно наблюдать наиболее типичные для своего времени сценарии включения представителей купечества в сферу промышленного предпринимательства.

Ливенцовы — группа родственных предпринимательских семей XVII–XVIII вв., входивших в состав тульского посада.

Промышленным предпринимательством занимались представители линии рода, идущей от Артемия Петровича Ливенцова. Его сыновьям Ивану и двум Василиям в 1765 г. принадлежали в Туле не менее 24 лавок и трех харчевен². В 1792 г. один Василий большой владел здесь тремя домами, а в рядах 70 лавками, из которых полученных по наследству было всего девять³.

Ливенцовы вели внешнюю торговлю на западном (через Петербург и Ригу) и восточном (Астрахань, Кяхта) направлениях. В 1764 г. оборотный капитал Ивана и Василия большого приближался (у каждого) к 40 тыс. руб. Годовой оборот Василия младшего был еще больше — 47 тысяч. В Петербурге он продавал мед и воск, в Риге — медь, железо разных сортов и сталь, в Кяхту отправлял юфть, сукно, меха⁴.

Именно он, родившийся около 1715 г.⁵ купец 1-й гильдии Василий меньшей Артемьевич Ливенцов, и приобщился к промышленному предпринимательству. В январе 1760 г. он вошел в компанию к уже владевшему заводом (Петропавловским) верхотурскому посадскому Максиму Максимовичу Походяшину⁶. Строительство нового, Николае-Павдинского, завода было начато ими в 1761 г. на р. Павде⁷. На Ливенцова легло оформление разрешения и расходы на строительство, половину которых Походяшин после пуска должен был возратить. Обязательства Ливенцов исполнил, получив кредит от казны.

На момент пуска завод перерабатывал железную руду; позже на нем была освоена плавка меди. На 1766 г. имел домну, три действующих и один запасной молот, две медеплавильные печи. Из-за нехватки воды часто простаивал⁸. С заводом были связаны более 40 железных и медных рудников. Производство обслуживалось исключительно вольнонаемным трудом.

Еще до пуска завода отношения между компаньонами напряглись. Ливенцов жаловался, что Походяшин не имеет «о построении того завода ника-

кова старания». Тот тоже предъявил претензии: заявил, что Ливенцов, на заводе не присутствуя, присылал поверенных, дела «не ведающих».

Компания Походяшина и Ливенцова просуществовала до апреля 1777 г. В дальнейшем, по договоренности компаньонов, завод должен был перейти к Походяшину, а тот — дать Ливенцову векселя с обязательством погасить их в течение трех лет. Возможно, было заключено еще и какое-то устное соглашение, которое Походяшин в дальнейшем проигнорировал. Ливенцов снова жаловался и отказывался оформить документы на переход завода. Конфликт обострился в начале 1790-х гг., когда наследники Походяшина собрались продать заводы в казну. Юридическое оформление распада компании получил только в 1797 г., когда они смогли урегулировать разногласия, заплатив 40 тыс. руб. и в дополнение к этому отдав 150 пудов меди. Сторону, передававшую свои права на завод, это устраивало — даже на этапе, когда Ливенцов непосредственно участвовал в строительстве и управлении им, торговой деятельности (в том числе, через Петербургский порт⁹) он не останавливал.

Можно ли считать, что проект Ливенцова окончился для него неудачей? Не решимся на этом настаивать. Он оставался совладельцем завода более десятилетия, а тот убыточным не был. Но даже если бы и был, это было бы неудачей исключительно личной. Можно уверенно утверждать, что Ливенцов свой вклад, хотя на общем фоне и небольшой, в развитие индустриального Урала все-таки внес через свою помощь Походяшину. Капиталы тульского купца позволили форсировать развитие бизнеса его уральского собрата. Сумев с привлечением Ливенцова профинансировать строительство одного завода, он смог мобилизовать средства для покупки в 1769 г. другого — передельного Ньючинского. Сумма, заплаченная за него Походяшиным, была почти в два раза меньше той, которую позже получил от него Ливенцов. Очевидно, что, не освободив себя от финансового участия в строительстве второго завода, третий завод Походяшин купить бы не смог. (А если бы и смог, то это потребовало бы большего времени и отодвинуло выполнение других планов.) Со временем Походяшин, более ловкий и оборотистый, чем Ливенцов, превратился, по словам Н. И. Павленко, в «одного из богатейших людей страны конца XVIII в.»¹⁰. Не приходится сомневаться, что его движение замедлилось бы, если бы не 17-летнее сотрудничество с тульским купцом Ливенцовым.

Лугинины — еще одна группа родственных тульских семей посадского происхождения, занимавшихся в XVIII в. как торговым, так, в лице одной из линий рода, и промышленным предпринимательством.

В середине 1760-х гг. Лугинины принадлежало в Туле не менее 50 лавок и других торговых мест¹¹. Особо успешной была предпринимательская деятельность сыновей Корнилия (Корнея) Лугинина Фомы, Ивана и Петра. Они участвовали в торговле «к портам и пограничным таможням», а также в транзитной торговле. В 1763–1764 гг. братья Лугинины по величине объявленного капитала (302,5 тыс. руб.) являлись лидерами среди тульских купцов. Во многом благодаря именно им тульское купечество среди других региональных его отрядов заняло в это время лидирующие позиции, в частности, первое место по товарообороту через Петербургский порт¹². Отправляя за границу товары

российского производства, Лугинины ввозили в Россию восточные товары, например, из Ирана — текстиль и рис¹³.

В 1760-х гг. три четверти лугининских лавок в Туле, а также места лавочные, амбарные, кузнечные, принадлежали Ивану Корниловичу Лугинину¹⁴. Операции, которые он с сыном Ларионом вел в это время в Петербурге, Кяхте, Оренбурге и Астрахани, превышали совокупный объем таковых его братьев¹⁵. Через Петербургский порт он продавал в Европу парусное полотно, пеньку, сало, шетину, через Кяхту в Китай юфть, мерлушки, ворвань¹⁶.

Столь же успешно занимался торговлей его сын Ларион, тульский купец 1-й гильдии. Символической вершиной его предпринимательских амбиций стала организация в 1763 г. (совместно с тульскими купцами И. Ф. Володимировым, М. Т. Пастуховым и М. Грибановым) компании для торговли со странами Средиземноморья.

Накопив капиталы благодаря успешной торговле, Лугинины получили возможность инвестировать в промышленный сектор. Их предприятия располагались в двух районах — в центре Европейской части России и на Урале. В центре находилась фабрика — парусная, полотняная и бумажная, построенная Иваном Лугининым на рубеже 40 и 50-х гг. XVIII в. в с. Покровское, Алешня тож, Алексинского уезда. Именно это парусное полотно Лугинины отправляли частично на экспорт¹⁷.

Ларион Иванович (около 1721–1785) явился основателем династии предпринимателей-металлургов. Оставаясь владельцем текстильной фабрики, стал еще и «содержателем» железных и медных заводов. Произошло это через десятилетие после аналогичной попытки купца Василия меньшого Ливенцова. Подобно ему Ларион Лугинин формировался как торговец, знаний и навыков для постройки металлургического завода не имевший. Но по пути Ливенцова он не пошел. Лугинин разрешил проблему путем покупки уже существующего предприятия. Первыми в 1769 г. приобрел два завода в Оренбургской губернии — Златоустовский, прежний владелец которого В. М. Мосолов остался в деле компаньоном, и Саткинский (он же Троице-Саткинский), купленный у барона А. С. Строганова. К ним в 1772 г. прибавились купленные у П. А. Демидова бездействовавшими заводы Верхнечугунский, Нижнечугунский и Корельский в Нижегородском уезде. В 1777 г. Лугинин пустил Мияский медеплавильный завод, в 1787 г. — Артинский железоделательный, в 1789 г. — Кусинский железоделательный, на котором к 1795 г. освоил и производство чугуна¹⁸. Владелец вел работу по уточнению специализации производств, укреплял их связи.

Успехи, достигнутые Л. И. Лугининым, сделали его известным за пределами предпринимательской среды. Его привлекали к участию в работе законосовещательных учреждений, в частности, второй Комиссии о коммерции (1760–1762). Он участвовал в разработке Банкротского устава, трактата о торговле с Англией, предложений о помощи купцам, пострадавшим при пожаре в Петербургском порту. Эта работа мешала собственной предпринимательской деятельности. В 1761 г. Лугинин добился от Комиссии бессрочного отпуска.

При освобождении был награжден шпагой «за тщательные труды и беспорочную на своем коште е.и.в. службу».

Лугинины избирались на должности и по городскому самоуправлению. Корней Лугинин служил земских дел бурмистром¹⁹. Его внук Ларион первым в истории Тулы был выбран (1777) на должность градского головы²⁰.

Но основателю промышленной династии не удалось передать хозяйство в надежные руки. Единственный его сын Максим ушел из жизни раньше отца. На момент смерти Лариона Ивановича его внуки были несовершеннолетними, заводы перешли в опекунское управление. В 1797 г. скончался внук Ларион, наиболее подходивший к роли будущего руководителя производства. Оно перешло к его братьям, а после раздела между ними (1797) металлургические заводы достались Ивану, а парусно-полотняная фабрика — Николаю. Златоустовские заводы накопили долги, были взяты в опеку и на рубеже столетий проданы²¹. Более успешно функционировало текстильное производство. В 1803 г. на лугининской фабрике работали 859 приписных работников-мастеровых. Годовой доход доходил до 20 тыс. руб.²²

Ливенцов и Лугинин не исчерпывают список тульских купцов, оставивших след в истории промышленного развития Урала. Промышленной деятельностью на Южном Урале занимались или, во всяком случае, пытались заниматься выходцы из тульского посада Петр Ильич Баташев (вел разведку медных руд) и Яков Родионович Коробков (основал Каслинский завод). Еще несколько человек (Алексей Лугинин и его сын Иван, Иван Елисеевич Федуркин и др.) строили и владели металлургическими заводами в других регионах.

С определенными оговорками к ним можно прибавить тульских оружейников, принадлежавших к некоренным для Оружейной слободы родам — тех, кто пришел в нее из посада, причем сравнительно поздно. Таковы Красильниковы, присоединившиеся к оружейникам лишь в 1705 г.²³ К этому времени Никита Демидов не только построил и пустил завод под Тулой, но сумел, получив казенный завод на Урале, покинуть ее. Позднее Красильниковы тоже получили от казны завод, хотя и недействующий. Можно предполагать, что технический опыт, использованный ими при восстановлении этого завода и строительстве новых, начал формироваться до их перехода в оружейники. Опыт Красильниковых-промышленников опирался на опыт Красильниковых-посадских, опыт ремесленников и торговцев.

Интерес представляют и лица из городского сословия Тулы, которые служили в аппарате управления или были техническими специалистами на металлургических предприятиях бывших оружейников. Таков, например, тульский родственник Демидовых (шурин Акинфия Никитича) Семен Иванович Пальцов. Долгие годы служивший главным приказчиком на Тульском демидовском заводе, приобщался к этому делу он на заводах сибирских.

Обдумаем приведенные выше сведения в их совокупности.

Начнем с констатации факта: тульские купцы в промышленное развитие Урала вклад, несомненно, внесли, хотя, будем объективны, он существенно меньше вклада предпринимателей из тульских оружейников.

Столь же несомненна связь двух проникавших на Урал тульских предпринимательских отрядов — состоявших один из оружейников, другой из купцов. Заметим, что существование второго отчасти обусловила родственная близость лиц, его составлявших, лицам из первого отряда. Так, жена В. А. Ливенцова (меньшого) Анна Максимовна была «заводчиковой дочерью»²⁴ (судя по отчеству, ее отцом мог быть Максим Перфильевич Мосолов). Сестра Л. И. Лугинина Васса Ивановна состояла в браке с владельцем заводов Антипом Максимовичем Мосоловым. Жена его двоюродного брата Ивана Петровича Пелагея также была из рода Мосоловых. Другая дочь вышла замуж за «заводосодержателя» Андрея Андреевича Баташева²⁵. Родственные пересечения обеспечивали информационную поддержку по широкому кругу вопросов, что с учетом удаленности объектов было особенно важно.

И все же вклад купцов оказался значительно меньшим внесенного бывшими казенными кузнецами. Почему?

Одна из причин, лежащих на поверхности, — малочисленность этого регионального отряда купцов-металлозаводчиков. Мы назвали практически всех, кто в него входил, — как видим, их количество не достигало и процента от общего числа лиц, записанных в купечество (по III ревизии 7752 чел.²⁶). Но это объяснение само требует объяснения — почему эта сфера бизнеса привлекала немногих?

Тульские купцы пришли в металлургию поздно — деятельность всех относится ко второй половине XVIII столетия. Может быть, причина их малочисленности и относительно скромных (за исключением лугининских) достижений состоит в том, что они опоздали к разделу ресурсов, что лучшее захватили вчерашние оружейники?

Считаем это объяснение неудовлетворительным. Перспективные территории оставались. Да, они были более удалены от пользователя, чем уже разведанные и освоенные. Но не настолько, чтобы существующие коммуникации не обеспечили связь. Пространство продолжало осваиваться. После того, как заводчики первой (петровской) волны захватили Средний Урал, настала пора освоения районов Урала Южного и Северного, не менее богатых ресурсами. Удаленность последних часто компенсировалась высоким их качеством.

В поисках факторов, ответственных за отставание на Урале промышленников из тульских купцов, зададимся вопросом: что могло мешать успешной их реализации в качестве промышленников? Его в свою очередь допустимо разбить на два вопроса: что мешало (если мешало) их *обращению* к этой сфере и что мешало *закреплению* в ней.

Уместно предположить, что обращению купцов к металлургии могло мешать: а) отсутствие у них технических знаний, связанных с процессом производства металла и б) отсутствие опыта организации производственного процесса, усугубляемое дальностью его локации.

В дефиците технических знаний уверены не вполне. Под Тулой находились Городищенские доменные и передельные заводы, на которых можно было получить представление и о технике, и о технологиях черной металлургии. Оружейников время от времени отправляли туда для работы принудительно²⁷.

Но разве что-то мешало посещать их прочим лицам, купцам в том числе? А с появлением металлургических заводов в самой Туле (Демидовского и Баташевского) знакомиться с техпроцессом стало еще проще.

Второй фактор (отсутствия организационного опыта) значимее. Убеждаемся в этом, сравнивая Лугининых и Ливенцовых. Лугинин организовывать крупное производство уже умел — научился этому на своей текстильной фабрике. Ливенцов прежде занимался только торговлей. Как следствие, Ливенцов искал, на чей опереться чужой опыт. Лугинин же, некоторый опыт имея, счел его недостаточным. Но преодолел трудность другим способом. Обосновываясь на удаленной площадке начал с приобретения уже действовавших заводов.

Что же влияло на закрепление тульских купцов в новой для них отрасли на удаленных площадках? Выделим роль ситуативных, во многом случайных, факторов. Ливенцову не повезло с выбором компаньона. Искал «товарища», профессионально подготовленного лучше, чем он — нашел более хитрого. Сам Ливенцов мог вложить в проект только деньги. На заводе не жил, присылал туда приказчиков, из-за чего опыта не приобрел. В отличие от него Походяшин, глубоко погруженный в производство, знал его хорошо. Не отягощенный излишней сентиментальностью, он использовал ресурсы Ливенцова в своих интересах, после чего отбросил его как отработанный материал.

Случай, обрушивший, казалось, прочно утвердившееся здание хозяйства Лугининых, был иного рода. Объективных причин, мешавших их закреплению в среде уральских промышленников, не было. Первые заводы Ларион Лугинин не строил, а купил, при этом некоторый опыт организации крупного производства у него уже имелся. Он сам, несомненно, обладал всеми качествами, нужными заводовладельцу. Окончившийся крахом кризис этого успешного промышленного хозяйства был обусловлен печальными событиями в истории семьи. Умерли сын и внук — наиболее перспективные наследники семейного бизнеса. В истории русской металлургии такие случаи уже были. Хозяйство Марселисов, не менее успешной династии российской металлургии XVII в., перестало существовать из-за смерти не оставившего прямых наследников Христиана Марселиса. В случае Лугининых погибают, едва втянувшись в дело, двое потенциальных преемников.

Сведем сказанное к кратким выводам:

1. На этапе вхождения купца в промышленную сферу чрезвычайно важным для успеха было наличие у него знаний и опыта, позволявших лично, не перекладывая на другое лицо (компаньона, приказчика), заниматься организацией производства. Решение этой задачи упрощала покупка уже действующих производственных мощностей. Дистанционное управление на этом этапе увеличивало риски.

2. На этапе закрепления и расширения промышленного хозяйства дистанционное руководство было уже возможно, хотя и в этом случае на заводе должен был находиться доверенный представитель хозяина — лучше всего его наследник. Но и в этом случае стратегические решения должен был принимать владелец, что было невозможно, если он за годы владения активом не приобрел необходимого опыта.

3. Торговая деятельность, создавая нужный для вхождения в «клуб» промышленников капитал, и мешала, и помогала закреплению в нем. Помогала, способствуя финансовой устойчивости фирмы. Мешала, затрудняя совмещение торговли и управления предприятиями, особенно удаленными. Последнее — еще один аргумент в пользу посылки на заводы доверенного лица (того же наследника).

4. Исчезновение такового могло в обозримые сроки погубить даже крепкое хозяйство. Прочно интегрироваться в промышленное предпринимательство купечество не могло иначе, как в форме промышленной *династии*.

Примечания

¹ Павленко Н. И. История металлургии в России XVIII века: Заводы и заводоуправления. М., 1962. С. 71–162.

² ГАТулО. Оп. 2. Д. 4604. Л. 24; и др.

³ Тульский край: Документы и материалы. Ч. 1. Тула, 1966. С. 114–115.

⁴ Репин Н. И. Тульские купцы и внешняя торговля России в начале 60-х годов XVIII века // Российское предпринимательство: история, традиции, памятники: Тез. II Всерос. науч. конф. «Тульский металл в истории промышленности и предпринимательства». Ч. 2. М.; Тула, 1995. С. 18; Павленко Н. И. История металлургии в России XVIII века. С. 299.

⁵ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Кн. 3664. Л. 101. Менее вероятно — 1714 и 1716.

⁶ Павленко Н. И. История металлургии в России XVIII века. С. 245.

⁷ Микитюк В. П. Николае-Павдинский чугуноплавильный, железоделательный и медеплавильный завод // Металлургические заводы Урала XVII–XX вв. Екатеринбург, 2001. С. 356.

⁸ Там же.

⁹ Павленко Н. И. История металлургии в России XVIII века. С. 299, 301.

¹⁰ Там же. С. 242, 245.

¹¹ Подсчитано по: ГАТулО. Ф. 55. Оп. 2. Д. 4604.

¹² Репин Н. И. Тульские купцы... С. 18, 20.

¹³ Юхт А. И. Участие тульского купечества в русско-восточной торговле (по данным астраханских таможенных книг 20–50-х гг. XVIII века) // Российское предпринимательство: история, традиции, памятники. С. 16.

¹⁴ Подсчитано по: ГАТулО. Ф. 55. Оп. 2. Д. 4604.

¹⁵ Петр с сыном Иваном 63,5, Фома 62 тыс. руб. (Репин Н. И. Тульские купцы... С. 18).

¹⁶ Юхт А. И. Участие тульского купечества в русско-восточной торговле. С. 16.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Бочкарева Е. С. Формирование Златоустовского горнозаводского округа в период владения рода Лугининых (1769–1799 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2017. С. 19, 20.

¹⁹ РГАДА. Ф. 699. Оп. 1. Д. 130. Л. 1.

²⁰ Пармонова И. Ю. Ларион Лугинин // Тульские градоначальники. Тула, 2009. С. 9, 10.

²¹ Бочкарева Е. С. Формирование Златоустовского горнозаводского округа... С. 18, 19.

²² Левишин В. А. Топографическое описание Тульской губернии. 1803 год. Тула, 2006. С. 99.

²³ Юркин И. Н. «Марко Васильев Сидоров, иначе Красильников»: дополнения к биографии создателя проекта и строителя Тульских оружейных заводов // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 83. Петровское время в лицах — 2016. СПб., 2016. С. 347–354;

Гамель И. Х. Описание Тульского оружейного завода в историческом и техническом отношении. М., 1826. С. 47.

²⁴ Юркин И. Н. Демидовы в Туле: Из истории становления и развития промышленной династии. М.; Тула, 1998. С. 206.

²⁵ Юркин И. Н. 1) Надгробия Лугининых на Всехсвятском кладбище Тулы как источник по генеалогии рода // Тульский металл: четыре столетия истории: Тез. II Всерос. науч. конф. «Тульский металл в истории промышленности и предпринимательства». Ч. 1. М.; Тула, 1995. С. 53–56; 2) Демидовы в Туле. С. 205, 222.

²⁶ Географический лексикон Российского государства / Сост. С. С. Илизаров. М., 2012. С. 428. Позднее, особенно после выделения в особое сословие мещан, численность тульских купцов уменьшилась.

²⁷ Впрочем, все известные случаи такого рода относятся ко времени допетровскому.

В. Н. Захаров

ИНОСТРАННЫЕ И ИНОЗЕМНЫЕ КУПЦЫ В ГОРОДАХ НОВОРОССИИ В КОНЦЕ XVIII в.

Одной из основных внешнеполитических задач России в XVIII в. было обретение непосредственного выхода к морским коммуникациям, обеспечивающим надежные и удобные контакты с зарубежной Европой и внешним миром в целом. Связи через имевшийся далеко на севере Архангельский порт были уже недостаточны. Эта задача в течение столетия была решена успешно: уже в правление Петра I Россия получила выход к Балтике на обширном пространстве, при Екатерине II в состав империи было включено побережье Азовского и Черного морей также на значительном протяжении. Принято считать, что приобретение выхода к Балтике и Черному морю мотивировалось в значительной мере потребностью всестороннего развития российской внешней торговли как одной из важнейших сфер хозяйства страны. И в самом деле выход к Балтике, строительство Петербургского порта способствовали многократному росту внешнеторгового оборота страны в течение XVIII в. Те же перспективы открывались и в отношении черноморской торговли после включения в состав России Северного Причерноморья в конце того же столетия.

Развитие внешней торговли в свою очередь способствует подъему целого ряда отраслей хозяйства страны, либо ориентированных на экспорт, либо зависимых от поставок сырья и полуфабрикатов из-за рубежа. Не менее важным является вопрос о роли предпринимателей в обеспечении внешнеторговых контактов страны, развитии соответствующей инфраструктуры (кредита, страхования, фрахта торговых судов и т. п.). Можно ожидать, что расширение российской внешней торговли благодаря обретению выхода к морским берегам на западе и на юге приведет к росту активности российских предпринимателей в обеспечении контактов с внешним рынком, к развитию отечественного судостроения, кредитных институтов. Но насколько реальным оказалось вовлечение российских купцов в подобную деятельность? Если говорить о западном направлении, то в торговле через Петербургский порт доля русских купцов